

И. И. СЕМЕНЕНКО

ЦЗИ КАН.
«ОДА О ЛЮТНЕ»

В творчестве китайского поэта, философа, музыканта и художника раннего средневековья Цзи Кана (233—262 гг.) «Ода о лютне» («Цинь фу») занимает особое место. Связь китайской поэзии того времени с музыкой, как и общеэстетическая значимость многих высказанных в оде положений, делает это произведение важным для понимания взгляда автора не только на му-

зыку, но и на поэзию, художественное творчество вообще. «Ода о лютне» — своеобразный итог, который подводит Цзи Кан своим размышлениям об искусстве.

Цзи Кан посвящает четыре первые строфы описанию природы и платанов. Примечательно, что он изображает природу как весну. На его картине расцветают весенние орхидеи, дует южный весенний ветер. Цзи Кан усиленно подчеркивает весеннее изобилие природных сил, представляя все в избытке: горы, воды, лучи света, драгоценные камни, краски, цветы.

Избыточным показано и движение, которое носит особый характер, ибо определяется даосским термином «само собой» («цзыжань»), то есть свободой, понимаемой как ничем неограниченное внутри проявление вещи своего естества. Эта свобода приводит даже к хаотическому противоборству природных сил, особенно яростному у двух важнейших стихий — гор и вод: порыву гор в заоблачные дали противостоит низвержение потоков воды вниз, на равнину. Но движение здесь — лишь момент в проявлении природной стихии.

Каждая из четырех строф оды завершается своеобразным канкансом, вносящим успокоение в бурную динамику предшествующих стихов. Особенно это заметно в третьей строфе, когда противоборство гор и вод выливается в картину их гармонического соединения. Каким бы бурным и хаотичным ни казалось столкновение отдельных стихий, как бы неистово они ни боролись между собой, свободное проявление ими своего естества приводит в конечном счете к покою и гармонии — главной цели природы в произведении Цзи Кана.

Особый характер носят на картине автора и краски. Своеобразие им придают блеск солнца и луны, сияние водной пыли над струями родников. Их объединяет общее понятие чистоты, близкое в оде к таким понятиям, как простота, ясность, прозрачность, отсутствие всякого рода замутнения и примесей. Хоровод красок на картине как бы стремится к чистоте, которая является его фоном и основой.

Итак, природа в изображении Цзи Кана обладает рядом отличительных особенностей. К ним относятся весеннее изобилие, чреватое множеством новых рождений, движение «само собой», совмещение движения и покоя, понимаемого как источник и цель движения, гармония и чистота. Нетрудно заметить, что эти качества исчерпывают почти все основные признаки важнейших понятий даосской философии — единого, небытия и дао. Как и дао, природа обладает у Цзи Кана неисчерпаемой творческой активностью и совмещает в себе самопроизвольное движение с покоем; как небытие и единое, она содержит в потенции множество новых рождений и находится в абсолютном покое. Гармония и чистота — качества природы, общие у дао с небытием и единым¹.

¹ Об этих понятиях даосской онтологии см. [6].

Единственное отличие природы от дао, небытия и единого заключается в том, что она телесна и обладает формой, тогда как дао, небытие и единое нетелесны и бесформенны. Но если все телесное, рождаясь в небытии, через некоторое время неизбежно возвращается в небытие, то есть разрушается, то природа на картине Цзи Кана вынесена за рамки этого круговорота: она вневременна, вечна, бессмертна. Платаны ждут своих ценителей тысячи лет... И в течение тех же тысячелетий все время цветут в горах весенние орхидеи, дуют меж ветвей платанов весенние ветры. Это вечная весна, которая является символом творческого начала всего сущего — дао. Таким образом, перед нами не изображение реальной природы, а символическая картина дао, представленного в ярких зримых образах.

В связи с этим в зависимости от степени близости к дао каждая часть изображаемого в оде пространства получает определенную оценку. По мысли автора, человеческий мир с его суетой находится на наибольшем расстоянии от дао и поэтому как объект, недостойный литературного произведения, оказывается вообще за рамками изображения в оде. Это место, откуда бегут «совершенные мужи» Цзи Кана.

По отношению к миру людей вся природа в целом выступает как высший идеал, но, взятая сама по себе, она тоже неоднородна, ибо неравнозначны ее части, располагающиеся на разном расстоянии от дао. Наиболее удалены от него равнина и подножие гор, затем, по мере подъема в горы, это расстояние уменьшается и сходит на нет на самой вершине, там, где растут платаны, которые представляют символ полного тождества с дао. Символика платанов с очевидностью проявляется в том, что в них сосредоточивается все лучшее в природе, и прежде всего покой и гармония — атрибуты дао и небытия. Далеко не случайна и строка оды: «Покрыты все вершины темной тучей». Здесь «темная туча» явно ассоциируется с «темным небытием», имеющим в даосской онтологии самую непосредственную связь с дао.

Следовательно, природа на картине Цзи Кана — это построенная по вертикали иерархическая система символов, каждый из которых означает ступень в приближении к дао. Перемещение в таком пространстве по вертикали означает и перемещение по шкале духовных ценностей, высшая точка которой — вершина гор, где происходит отождествление с дао и обретение свойств «совершенного человека» («чжи жэнь»).

Символическое толкование природы в произведении Цзи Кана помогает понять такое широко распространенное явление китайской средневековой культуры, как хождение в горы — тема многочисленных стихотворений IV—VI вв., относимых по традиции к «поэзии гор и вод» («шань шуй ши»). Ярким примером этой поэзии может служить творчество Се Линьюня (IV—V вв.), который был одержим любовью к горам. Те же стремления проявляются в стихах Бао Чжао (V в. н. э.), противопоставлявшего

горы вместе с растущими на них соснами и лаврами «грязному» городскому рынку [см. 10, 124]. Рынок символизирует у него средневековый город, земную человеческую суету вообще, и эпитет «грязный» здесь не физическое, а оценочное понятие. Вслед за Бао Чжао поэт VI в. Цзян Вэньтун говорит о том, что ему «стыдно гоняться за славой рынка», и воспеваает «глубокий смысл», таящийся в «простоте» горной природы [см. 9, 480].

В этом плане можно наметить ряд типологически сходных черт между китайских поэтов и европейской литературой средних веков. Для китайских поэтов, как и для европейских авторов той эпохи, характерно «стремление к символическому толкованию явлений природы...» [4, 175], в связи с чем в их произведениях «образ пути... искривлен и смещен средневековой вертикалью, иерархической оценкой земного пространства» [2, 435].

Итак, стремление «совершенных мужей» Цзи Кана достичь необычных деревьев — это стремление к тождеству с дао и обретению его свойств. Оказавшись рядом с горными платанами, они отрешаются от суетных желаний, становятся свободными в «порывах чувства», проникают взором огромные пространства. Другие качества, обретаемые вблизи платанов, — спокойствие и чистота, «гармония великих совершенств» — Цзи Кан особенно выделяет в конце оды; когда говорит о том, каким должен быть настоящий музыкант. Дао сообщает также творческую силу — и человек создает лютню, чтобы в игре на ней возможно более полно выразить обретенное дао природы.

Это дао в музыке предстает у Цзи Кана как результат уподобления мелодий природе, о чем автор говорит прямо:

Звучат напевы чередой,
Они как бы природой стали.

Этот тезис раскрывается и в самой композиции оды. Если приглядеться повнимательнее, то станет ясно, что описание мелодий, в которых преобладают такие определения, как весенний, изобильный, беспечный, спокойный, гармоничный, чистый, светлый, по сути, повторяет картину гор и вод, нарисованную Цзи Каном в начале произведения. Мелодии лютни как бы воссоздают в звуках природу, созерцаемую с горной вершины их творцами. Эти мелодии

Могучи, как утес высокий,
И сходны с бурною волной.
О, необъятных вод просторы!
О, высота вершины горной!

Переходя к вопросу о воздействии музыки на человека, Цзи Кан рассматривает три человеческих характера — печальный, веселый и гармоничный, — чья реакция на музыку «настоящего музыканта», несмотря на различия во внешних проявлениях, сходна в главном: каждый из них обретает свободу в проявлении своей сущности, т. е. ту спонтанность, то движение «само собой» («цзы-

жань»), которое характерно для дао и природы в целом. На этом замыкается круг описаний в произведении Цзи Кана. От дао и природы автор переходит к музыканту, уподобляющемуся природе, затем — к мелодиям, вслед за музыкантом, уподобляющимся природе, и, наконец, к слушателю, который вслед за мелодиями тоже уподобляется природе.

В раскрытии вопроса о значении музыки для человека сохраняется лейтмотив всего произведения — пристрастие Цзи Кана к весенней теме. В «Оде о лютне» весенней изображаются и природа, на лоне которой исполняются мелодии, и сама музыка. Цзи Кан, например, пишет:

Понаблюдать вблизи тона,
Словно распустились почки в солнечном весеннем ветре.

Только однажды автор изменяет себе и изображает зимнюю пору. Но в данном случае он стремится определить одно из идеальных условий, способствующих сосредоточенности музыканта, необходимой для более полного выражения дао в музыке. Этим условием и оказывается «прозрачная зимняя ночь», в тиши которой «струится яркий лунный свет». В целом же Цзи Кан отдает предпочтение весенней природе, отождествляя все весеннее с дао, — факт понятный, если учесть зафиксированные в китайской литературе отголоски народной весенней обрядности с ее представлением о весне как времени всеобщего очищения и возрождения. Переноса на мелодию атрибуты весны, Цзи Кан выражает мысль о музыке как искусстве, которое очищает и обновляет человека, возрождает его для новой жизни, передает ему свою избыточную силу, возвращает в нем в изобилии природные дарования и способности.

В переводе трехзначная строка оригинала передана трехстопным ямбом, четырехзначная — четырехстопным и т. д. Строки, насчитывающие более шести иероглифов, в большинстве случаев переводились семи- и восьмистопным хореем. Начало и конец оды переведены соответственно анапестом и амфибрахийем. Это связано с их особым ритмом, а также с наличием завершающей частицы «си», придающей им звучание иное, чем у других стихов. В стихотворении в середине оды частица «си», делящая строку пополам, передана графически запятой. Сделана попытка сохранить и рифму, в ряде мест сплошную.

Перевод выполнен по изданию: Цзи Кан. Сочинения. Пекин, 1956².

Ода о лютне

Я полюбил музыку еще в детстве; возмужав, начал усердно ею заниматься. Считаю, что она не подвластна времени, тогда как вещи знают расцвет и упадок; она не надоедает, тогда как обильные яства вызывают пресыщение. Может

² Другие переводы см. [7; 8].

наставлять душу и воспитывать дух, выражать чувства и приводить их в гармонию. В бедности и одиночестве ничто не утешает лучше, чем мелодия. Именно поэтому к ней обращаются, не хватает ее — начинают напевать, чтобы освободить чувство; не хватает напева — вверяют себя словам, чтобы раскрыть мысль¹.

В прошлых поколениях талантливые мужи создавали гимны и оды об инструментах всех восьми звучаний², о разных видах песни и танца³. Плоть и строение их произведений — ветер и поток, в них все следует одно другому. Когда прославляли инструмент, то принимали опасность и страдание за высшее; когда описывали его звуки, то принимали печаль и скорбь за главное; когда хвалили его воздействие на чувства, то принимали потоки слез за самое ценное.

Что красиво, то красиво, однако не исчерпывает смысла музыки. Исследуя ее истоки, вероятно, с самого начала не понимали, что такое мелодия; вникая в ее суть, опять-таки не постигали основ обряда и музыки.

Среди множества музыкальных инструментов наивысшее достоинство у лютни⁴. Чтобы изложить по порядку свои думы о ней, я создал эту оду:

Необычных платанов источник рожденья —
Выси гор и крутые хребты.
Жизнь платанов на щедрой земле долговечна,
Устремляются ввысь до звезды.
Хранят чистой гармонию неба с землею,
Пьют сияние солнца, луны.
Кроны пышные блещут красой несравненной,
В сини неба парят их цветы.
Погружаются вечером в заводь заката,
Сушат ветви в долине зари.
Ждали тонких ценителей тысячу весен
В безмятежной и вечной тиши.

Везде в окрестности видны потоки, горы,
Спиралью вьются скрытые ущелья,
Остроконечные вершины,
Крутые склоны темных пиков,
Изломы кряжей и пучины,
Багровые теснины скал,
Зеленая стена в тьму синей⁵.
Взмывает в вышину могучий горный вал,
Теснит и давит облака.
Далекie утесы дивно велики,
Высокие зубцы особенно прекрасны.

Восходят с горных высей тучи свежей мглы
И полнят родники в таинственных глубинах.

И падая, бегут, торопятся валы,
Безумно носятся в стремнинах.
Врезаясь в яму или риф,
Приходят в гнев и ярость воды.
Бурлят, клопочут и вскипают,
Волну и пену поднимают.
Свирепо бьются с диким стоном,
Свиваются клубком змеиным.
Дойдя до средних округов,
Становятся большой рекою.
В круженьи плавном вдаль текут.
Безмолвно вечное течение.
Кругом гладь водная без края,
Объемлет горы и холмы.

Обозрим внимательно все то, что та земля родит,
Какие драгоценные плоды скрывает.
Редчайшей красоты кораллы,
Нефриты пламенем горят;
Их залежи и россыпи
По склонам гор в обилии лежат.
Там весь восток в цветах весенних орхидей
И в дивных яблонях шатан⁶ весь запад.
Цюаньцзы⁷ там живет на южной круче,
На севере ключ яшмовый бурлит.
Покрывают все вершины темной тучей,
К ним плавно стая фениксов летит.
Утесы смочены росой чистой,
Весенний ветер льется среди них.
Стоят они в торжественном покое,
Досуг их вольный потаен и тих.
Поэтому, кто рядом с этими высотами живет,
Пронзен естественной святою красотой.
К музыке с любовью устремляется душой.

И вот тогда мужи, бежавшие от мира
И равные по духу Цзи Цзи и Юн Ци⁸,
Друг другу помогая, лезут на утесы,
Идут через провалы;
Держась за ветви Цзюнь⁹,
Взбираются на скалы,
Чтоб побродить среди бескрайних высей.
Окидывают взором местность,
Даль горизонта, словно птицы.
И видят вдалеке Куньлунь¹⁰,
Глядят на вод морских границы.

Указывают на холмы Цангю¹¹ вдали,
Взирают на могучий разворот реки.
И постигают бремя современных нравов,
Глядят на гор Цзишань¹² обильное свечение,
Любуются раздольем их громадных пиков,
Сердца в восторге не заботит возвращенье.
Свободные в порывах чувства, смотрят вдаль,
Приемлют песен Сянь Юаня¹³ завещанье.
Забыть не могут Лао Туна¹⁴ с Куй горы.
И чтят Тай Жуна¹⁵ благородные стенанья.

Платанов зрелище волнует их умы,
Доверить сердце вещи — в этом их желанье.
Вот меряют ростки растений,
Срезают годные побеги.
И созидает лютню гений,
Чтоб выразить себя всецело.
Немедля зоркий Ли¹⁶ отростки размечает
И Плотник Кремень¹⁷ рубит смело.
Куй, Сян¹⁸ игре на лютне учат,
Бань, Шуй¹⁹ сноровкой поражают.
Стесав, сшивают по краям
И подгоняют ровно, плотно.
Шлифуют, красят, полируют,
Наносят разные узоры.
Вытачивают носорогов,
Врезают камни бирюзы.
Из нитей шелка Юань Кэ²⁰ сплетают струны
И делают из яшмы с гор Чжуншань²¹ лады.
Видны изображения фениксов, драконов
И силуэты мудрых древних:
Бо Я перебирает струны,
Чжун Ци его напевам внемлет²².
Изображения сверкают,
Переливаются цветами.
Они прекрасны несказанно!
Лин Лунь²³ соединяет тоны,
Тянь Лянь²⁴ касается струны.
По воле доблестного мужа
Прозрачны новые напевы.
Они велики несказанно!

Когда настроен инструмент,
То третий тон звучит в согласьи с пятым,
Четвертый отвечает первому.
В гармонии со всеми каждый,
И с нижним связан верхний лад.

Неуловимые, могучие,
Прекрасные тона звучат.
Их гармония приносит подлинное наслажденье.
Из лютни исторгают верный звук
И дивные напевы;
Играют «Белый снег»,
«Прозрачный третий лад»²⁵.

Струятся звуки ручейками, разливаются,
Переполюня русло, щедро орошают.
И огненным каскадом в небо устремляются,
В заоблачную даль взмывают тон за тоном.
Друг друга встретив, состязаются в полете,
Сверкают пышными цветами и узором.
Могучи, как утес высокий,
И сходны с бурною волной.
О, необъятных вод просторы!
О, высота вершины горной!²⁶
В тревоге, полные волнения,
Кружатся и метутся звуки.
Свободно и беспечно мчатся,
Вмиг рассыпаются цветами.

Учтите форму звуков, ритм,
Их меру, измененья все.
Стремитесь к сути, простоте,
Не торопитесь при игре.
Нежны, безбрежны будут звуки
И разольются вдалеке.
И сохранят красу до самого конца,
Пока не отзвучат в великой простоте²⁷.

Коль ввысь устремлена терраса или башня,
Просторен зал иль кабинет,
В тиши прозрачной зимней ночи
Струится яркий лунный свет,
Сияют новые одежды,
Числа благоуханьям нет,
Тогда в прохладе лютни и в согласьи струны,
В покое сердце, пальцы гибки,
Звенит струна, как я хочу,
Мысль воплощается в игру.

Начну со «Светлого потока»,
Затем «Прозрачный лад» возьму²⁸.

Излив восторг пред Танским Яо ²⁹,
Воздам в конце Вэйцзы ³⁰ хвалу.
Громадины, светлы, сочны звуки,
То без забот, то начеку.
В тиши перебираю струны
И песни новые пою.
В песне поется:
На ветре возношусь, гуляю по Инчжоу ³¹
И думаю о том, как с Лецзы ³² стать друзьями.
Я пью ночной туман, купаюсь в ранних зорях,
Кружусь, кружусь вдали, парю под небесами.
И равный тьме вещей, себя я обретаю.
Не ведая забот, влеком своей судьбой.

Прозрачные тона рождаются друг для друга,
Как неразрывно слиты голос со струной!
Тогда другие все напевы замирают,
Стихает множество мелодий.
Перехожу на новый лад,
Звучат чудесные напевы.
Вот милое лицо,
Порхают рукава.
Мелькают тоненькие пальчики стремительно,
Струятся, разливаясь, робкие слова.
Глядят с любовью звуки нерешительно,
И сжата ласково рука.
Они заботятся, трепещут,
Услады тайные храня ³³.
Нежданно в небеса стремятся,
Как ветер рвущий облака.
Редея, вдохновенно мчатся,
Не рассыпаясь до конца.
И плещут изобильным светом,
Узоров линия ярка.
Летит цветущая мелодия,
Блестящи, красочны тона.

Иные звуки праздны и запутанны,
По виду как бы своевольны.
Ступают парами прекрасными
И скачут по двое они.
Сначала вроде бы в разладе,
Затем становятся дружны.
Средь них кривые не угнетены,
Прямые вовсе не горды.
Друг с другом сталкиваясь, смуты не чинят,

Не разрывают дружбы даже в разлученьи.
То вдохновенно увлекают и ведут,
То оскорбленные, колеблются в смятеньи.
Внезапно воспаряют и несутся вдаль,
Помедлив, мчатся во все стороны неожиданно.

Или теснятся роем непрестанно,
Наслаиваются рядами.
И произвольно, без досуга,
Бегут, преследуя друг друга.
То стонут, то поют хвалу,
Они не переводят духа.
Чудесные, великолепные,
Всех уловить не может ухо.
Коль велики, тонки, прекрасны и спокойны
И следуют закону звука,
То гармоничны и протяжны,
Звучат ли звонко или глухо,
Гибки, теплы, красивы и сладки для слуха,
Струятся мягко и послушно по порядку.

Перед преградой дружно выступают
И смело ищут путь на волю.
Стонут, словно цапли при разлуке у пруда,
И взмывают, словно лебедь над крутым обрывом.
Красив узорный их наряд:
Свисают кисти и шелка.
Вот вторят дуновенью ветра,
Их песнь протяжна и щедра.

Удар, щипок, касанье, перебор
Извиты, сплетены волнами.
Легки удары по струне,
Проникновенны и мудры.
Спокойным не знакома вялость,
А быстрым суета чужда.
Кружатся, улетают вдаль,
Смерть слабых отзвуков сора.
Послушать их издалека,
Словно воркованье фениксов, играющих среди туч;
Понаблюдать вблизи тона,
Словно распустились почки в солнечном весеннем ветре.
Различных вариаций у мелодий тьма,
Они прекрасны с первой до последней ноты.
Сколь утонченна, величава их краса!
Как в перемене форм они неисчерпаемы!

Вот настает весенний третий месяц года,
Одеты в яркие шелка,
Гуляем за руки с друзьями
И не заботят нас дела.
Бредем средь орхидей,
Идем на высь холма;
Сидим у вечной рощи,
В цветной тени шатра;
Слагаем новый стих
У чистого ручья.
Поем хвалу беспечности драконов, рыб,
Цветение природы радует сердца.
Играем песни, заповеданные Шунем ³⁴,
В груди — стремленье вдаль и вечная тоска.

Вот на изысканном пиру в роскошном зале,
В кругу испытанных друзей,
Где потчуют отменным блюдом
И чарой светлого вина,
Играют «Южный Цзинь»,
И «Западное Цинь»,
«На юге от скалы»
И «Уроженца Ба» ³⁵.
Играют вместе с ними разные мелодии,
Приходит в трепет изумленная душа.
Познав напевы, изучив заслуги лютни,
Нельзя приравнивать ее к свирели, флейте!

Порядок у мелодий должен быть такой:
Их начинают «Холм большой»,
«Привал», «Тайшань», «Бойцы востока»,
«Летит дракон», «Оленьи крики»,
«Петух и Цапля», «Струн просторы» ³⁶.
Звучат напевы чередой,
Они как бы природой стали.
Струятся чистые, спокойные,
Освобождают от печали.
Доходим до народных песен,
Пяти произведений Цая ³⁷,
Мелодии Чуфэй ³⁸, Ван Чжао ³⁹,
До «Разлученных журавлей» ⁴⁰.
Вот вроде бы и все напевы,
Хотя средь песен исключенных,
Есть тоже ряд вполне достойных ⁴¹.

Кто не широк душой и вдаль не устремлен,
Не насладится тот мелодиями лютни,
Кто суетлив, не самоуглублен,

Не сможет с ними рядом находиться.
Кто не свободен и не умудрен,
Не сможет искренне всем сердцем к ним стремиться.
Кто высшим мастерством не наделен,
Тот не постигнет их природного закона.

Исследуем устройство инструмента
И образцовые тона.
В согласьи лютя — звуки беззаботны,
Струна натянута — прозрачен тон;
Далека от других ⁴² — звучанье низко,
Струна длинна — певучи все лады.

Коль музыканта суть спокойна и чиста,
Таит гармонию великих совершенств,
Поистине он может потрясти сердца
И душу человека всколыхнуть до дна.
Только до печального дойдет его игра,
Сразу тот изведает скорбь горькую сполна,
Его изжалит состраданье.
И будет эта боль сильна.
И сокрушительно раскаянье.
Лишь донесется до веселого игра,
Тот улыбнется, радость не тая,
Отдастся пляскам без конца,
На миг прервать не согласится
Свой вольный смех в теченье дня.
До гармоничного дойдет его игра,
Тот, радость жизни ощутив,
Полюбит древность, пустоту
И сокровенную природу,
Отринет тело, суету.

Потому Бо И ⁴³ обрел от люти честь свою,
Гуманным слыл всегда Янь Хуй ⁴⁴ в миру,
Би Гань ⁴⁵ был преданным слугой монарху,
Вэй Шэн ⁴⁶ — не изменившим обещанью,
Хуй Ши ⁴⁷ — красноречивым в жарком споре,
Вань Ши ⁴⁸ — усердными в делах служебных.

Все остальные также получают пользу,
Награда каждому своя;
К единству разными путями
Ведут то смысл, то красота.

Своей гармонией руководят вещами,
Всю жизнь внимают им, не ведая вреда.
То правят сердцем, то вещами,
Мелодий сила велика!

Лишь лютня зазвучит,
Смолкают камня и металла,
Бамбука, тыквы голоса ⁴⁹,
Ван Бао ⁵⁰ прекращает петь,
Ди Я ⁵¹ утрачивает вкус.
Тянь У ⁵² пускается плясать в пучине вод,
Вниз падает Ван Цяо ⁵³, тучи рассекая.
Танцуют фениксы на лестнице дворца,
Порхающих небесных фэй нисходит стая.
Воздействуют гармонией на небо, землю,
Тем паче — на того, кто ползает внизу.

Я восхищен великолепным инструментом,
Для утешенья своего о нем пою.
Готов служить ему без усталости и вечно,
Уверен, это драгоценность всех времен.

В конце поется:
Глубоко достоинство лютни,
Измерить его невозможно.
Быть чистым и вдаль устремленным,
Предела достичь в этом трудно.
Искусные пальцы и лютня
В наш век — величайшая редкость.
Мелодия шелковых нитей
Венчает все виды искусства.
Кому дорога может лютня?
Постигшие звук очень редки.
Прекрасную лютню способен
Постичь только муж совершенный!

КОММЕНТАРИИ

1. Перифраз отрывка из «Большого предисловия» к «Книге песен», датированного приблизительно II в. до н. э.: «Не хватает слов, начинают вздыхать, не хватает вдохов — начинают петь, не хватает пения — руки начинают бессознательно делать жесты, а ноги танцевать» [3, 379].

2. В древнем и средневековом Китае музыкальные инструменты делились на восемь разрядов в зависимости от материала звучащего тела: камня, металла, бамбука, дерева, шелковых нитей, кожи, тыквы и глины.

3. Цзи Кан имеет в виду старинную традицию так называемых «од о музыке». До нас некоторые из них дошли в составе «Литературного сборника» Сюэ Туна (VI в. н. э.): «Ода о свирели» Ван Цзыюаня (I в. до н. э.), «Ода о танце» Фу Учжуня (I в. н. э.), «Ода о флейте» Ма Жуна (II в. н. э.).

4. Воспевая здесь и далее лютню как лучший музыкальный инструмент, Цзи Кан открыто выступает против постановления конфуцианского собора I в. н. э. о запрете на лютню, гласившем: «Чтобы положить конец разврату, исправить сердца людей, [игру на] лютне запретить!» [12, 63].

5. Мера длины, равная восьми древним или пяти современным китайским футам — чи (0,35 м), то есть 1 м 75 см.

6. Дерево, растущее на мифических горах Куньлунь, напоминающее формой дику яблоню с желтыми цветами и красными плодами без косточек, по вкусу похожими на сливу; делает человека сильным.

7. Легендарный отшельник древности, умевший управлять ветром и дождем; знаток игры на лютне.

8. Юн Ци (Цзи Кан приводит его прозвание не полностью, правильнее: Юн Цици) — древний отшельник, последователь даосского учения и мастер игры на лютне. Ци Ци — отшельник начала династии Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.).

9. Мифическое дерево, дающее бессмертие.

10. Мифические горы — обитель небожителей.

11. По преданию, место захоронения мифического государя Шуня, которому приписывалось создание ряда мелодий и даже самой лютни.

12. В соответствии с древней легендой, именно вблизи этой горы скрывался и был похоронен Сюй Ю, отказавшийся принять престол от мифического государя Яо.

13. Родовое прозвание Хуанди («Желтого императора»), одного из древнейших мифических правителей Китая, который почитался как основоположник даосского учения и создатель лютни.

14. Правнук Хуанди, обладавший «голосом, как у колокола и каменного била» [11, 89].

15. Учитель музыки при Хуанди.

16. Легендарный помощник Хуанди, отличавшийся необычайно острым зрением. По одному из преданий, он мог видеть кончик осенней паутины на расстоянии в сотню ли (в одном ли приблизительно 0,5 км).

17. Легендарный плотник, в совершенстве знающий свое мастерство.

18. Куй — учитель музыки при мифическом правителе Шуне; Сян обучал игре на лютне Конфуция (VI—V вв. до н. э.).

19. Бань из царства Лу — легендарный плотник времен Конфуция, умевший делать, по преданию, из дерева сложнейшие механизмы; Шуй — управитель работ при Шуне.

20. Отшельник, чудесным образом получавший особый сорт шелка.

21. Другое название гор Куньлунь, см. прим. 10.

22. Ставшие нарицательными имена знаменитого музыканта и тонкого ценителя его музыки, см. [1, 92].

23. Легендарный музыкант при Хуанди.

24. Отождествляется в комментариях с Чэн Лянем, обучавшим игре на лютне Бо Я.

25. Мелодии, о которых упоминает Цзи Кан, не дошли до наших дней, сведения о них скудны и противоречивы, поэтому здесь и далее перевод названий мелодий носит предположительный характер.

26. Аллюзия на отрывок из «Лецзы» о Бо Я и Чжун Цыци [см. 1, 92]. Цзи Кан, как и Лецзы, обнаруживает в мелодии вполне определенное познаваемое содержание, которое раскрывает через аналогии с конкретными явлениями природы. При этом он воспринимает звуки музыки как физическую наглядность, в зрительных и осязательных ощущениях — представление, характерное для древности, см. [5, 16].

27. Термин даосской космогонии, обозначающий первооснову всех вещей.

28. См. прим. 25.

29. Мифический государь Яо происходил из рода Тан.

30. Вэйцзы жил при династии Инь (XV—XII вв. до н. э.). Скорбь, по преданию, о грядущей гибели этой династии, он увидел однажды высоко в небе журавлей и, вдохновленный этим, сложил мелодию для лютни.
31. Один из мифических островов — обителей бессмертных.
32. Один из основателей ранней даосской философии, жил приблизительно в V в. до н. э.
33. Принципиально важные строки, в которых Цзи Кан протестует против конфуцианского взгляда на красоту как источник разврата. Уподобляя лучшие мелодии человеческой красоте и любовному соитию, он отстаивает право художника на изображение любви. Эту мысль не передает с достаточной четкостью перевод Р. Х. Ван-Гулика, см. [8, 62].
34. В оригинале: Чун Хуа — прозвание государя Шуня.
35. См. прим. 25.
36. См. прим. 25.
37. Известный ученый и музыкант II в. н. э. В одном из комментариев отмечается, что во времена Цзи Кана мелодии Цая считались «вульгарными и развратными», см. [11, 104].
38. Наложница государя царства Чу (VII—VI вв. до н. э.), известная своей добродетельностью.
39. Цзи Кан приводит не полностью имя Ван Чжаоцзюнь, наложницы ханьского императора Юаньди (I в. до н. э.), искусной музыкантши, отданной предводителю варваров и всю жизнь проведшей на чужбине в тоске по родине.
40. О создателе мелодии известно, что он сочинил ее в тот момент, когда родители стали понуждать его оставить любимую им жену. Очевиден выпад Цзи Кана против конфуцианской трактовки народной поэзии как чего-то «вульгарного и развратного». Иначе он не называл бы перечисленные в оде образцы фольклорной лирики в числе лучших произведений, исполняемых на лютне.
41. Последняя строка явно полемического характера, хотя и не совсем ясного по своему конкретному содержанию. Автор, видимо, противопоставляет народную песню большинству официально признанных мелодий. Это предположение согласуется с китайскими комментариями, трактующими отмеченную строку в оде Цзи Кана как «отрицание древности», см. [11, 104].
42. Строка не совсем ясная. Видимо, имеется в виду расстояние между струнами.
43. Один из двух братьев, пожертвовавших жизнью во имя принципов.
44. Ученик Конфуция.
45. Преданный слуга последнего иньского государя Чжоу Синя (XII в. до н. э.), казненный им за критику его правления.
46. О нем фрагмент «Чжуанцзы» гласит: «Вэй Шэн назначил встречу с де-вушкой под мостом, но она не пришла. Вода все прибывала, а Вэй Шэн не уходил и утонул, обхватив опору моста» [1, 297].
47. Знаменитый софист IV в. до н. э., полемизировавший с Чжуанцзы.
48. Букв.—десять тысяч ши (ши — древняя мера веса), прозвище чиновника II в. до н. э. и четырех его сыновей, которые благодаря своему усердию получали по две тысячи ши риса жалованья, что в сумме и составляло десять тысяч, то есть ровно столько, сколько получали первые три высших чина в государстве. Большинство перечисленных здесь персонажей конфуцианского толка резко контрастирует с остальными образами оды и приводится автором явно из полемических соображений. В подтексте этого отрывка — стремление уличить конфуцианцев в отказе от добродетели, ибо, запрещая лютню, они губят и воспитываемую с ее помощью добродетель.
49. Музыкальные инструменты из металла, камня, бамбука и тыквы.
50. Легендарный певец древности.
51. Герой предания, отличавший по вкусу воду одной реки от смешанной с ею другой.
52. Божество вод.
53. Один из героев даосских легенд, умевший летать по воздуху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая. Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы. Вступит. ст., пер. и коммент. Л. Д. Позднеевой. М., 1967.
2. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса М., 1965.
3. Литература древнего Востока. М., 1971.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1971.
5. Лосев А. Ф. Античная музыкальная эстетика. М., 1960.
6. Померанцева Л. Е. «Хуайнаньцзы» — древнекитайский памятник II в. до н. э. Автореф. канд. дис. М., 1972.

На западных языках

7. Die Chinesische Anthologie Wen-Hsüan von Martin Gimm. Wiesbaden, 1968.
8. Van-Gulik R. H. Hsi Kang and His Poetical Essay on The Lute. То-кью, 1941.

На китайском языке

9. Литературный сборник (Вэнь сюань). Т. I. Шанхай, 1959.
10. Сочинения цаньцзюня Бао с комментариями (Бао цаньцзюнь цзи чжу). Шанхай, 1958.
11. Сочинения Цзи Кана (Цзи Кан цзи). Под ред. и с коммент. Дай Миньяна. Пекин, 1962.
12. Цзи Кан. В звуке нет ни печали, ни радости (Шэн у ай лэ лунь). Пер. и коммент. Цзи Лянькана. Пекин, 1964.